Перед показом фильма «Многоточие» на фестивале «Окно в Европу» зрители напрасно ждали Сергея Симоновича Дрейдена вмешалась бдительная судьба й превратила обыденную двухчасовую поездку из Петербурга в Выборг в семичасовое путешествие. Но российскую премьеру Дрейден с коллегами все же отпраздновал — после фильма, на задворках кинотеатра, возле мини-кара, на котором он с супругой, собакой и друзьями все-таки добрался и который по этому случаю сыграл роль полевого буфета. После чего компания погрузилась в машину и исчезла из поля зрения.

Дрейден не виноват — таков жанр его жизни. Парадоксальные совпадения и повороты судьбы, детство в кругу знаменитых друзей его родителей — и многочисленные рабочие профессии, которые осваивал актер; перио-

туре Урусевского.

картину с вашим участием?

Андрей Эшпай снял вторую

По пьесе Набокова «Собы-

тие». Игорь Гордин, Чулпан Хама-

това играют фабулу. Мой персонаж

не в интриге. Он — знаменитый пи-

сатель. Пьеса написана Набоковым

в тридцатые. К этому же периоду

относится цикл его рассказов. Мож-

но было взять поэзию, то есть очень

Однажды Илья Авербах сказал про меня: «Да, он способный человек, но у него очень сильный онтроль. Он видит себя со стороны сильнее, чем дает игру». Это так и было, и бывает теперь. Не потому, что ты хочешь выйти в итоге в красивом виде. Это, думаю, подсознательная самозащита. Уже в процессе подготовки ты подстилаешь себе «мягкое», и лишь истинный режиссер и партнеры могут избавить тебя

Сергей Симонович, что вы успели увидеть на фестивале в Локарно?

от этих «предосторожностей».

Там я впервые посмотрел «Многоточие». Но сначала вручали «Леопарда» Сокурову. И был показ «Русского ковчега» на большом уличном киноэкране.

Александр Николаевич Сокуров приехал из Чечни, закончив там свою картину. Вечером было вручение. Восемь тысяч зрителей. Директор фестиваля в Локарно объявляет открытие церемонии. Поднимается Сокуров. Директор Венецианского фестиваля начинает читать текст. И вдруг директор фестиваля в Локарно падает навзничь. Носилки, его уносят, текст дочитывают.

А на следующий день — три сеанса у нашей картины. В почти полном зале на две тысячи человек. Ко мне подсел Эшпай. Я думаю: «Боже мой, теперь я буду волноваться его волнением, а я не хочу этого». Я вижу французские титры и почему-то думаю: «Все. Сейчас люди начнут уходить». Страх.

Вдруг в темноте — кто-то с фонариком и говорит, что наш фильм получил какой-то приз — не главный.

Мы не идем ни на какие церемонии награждений — нас пригласил в гости наш бывший соотечественник. Приезжаем — там Валя Гафт и Оля Остроумова. Мы встречались, с Валей я снимался в фильме «О любви», но не виделись почти тридцать лет.

Вдруг Оля встает и говорит тост про меня и про период в тридцать лет, на протяжении которого я был их (ее и Вали) зрителем, а они — моими зрителями. Здорово, да? И я понял, что исключительность касты актеров — не придуманная.

Или вот сейчас Юрий Шевчук мне достался — мы с ним играем в картине «Антонина обернулась» (сценарий Ивана Вырыпаева, режиссер Григорий Никулин). Я с Вырыпаевым не знаком, но он мне почему-то симпатичен. Герои у него хорощо разговаривают. Там нет плохих, хороших, умных они просто разговаривают.

Я счастлив, что сейчас имею дело с **УМНЫМИ И ТАЛАНТЛИВЫМИ МОЛОЛЫМИ** людьми. Вот Женя Цыганов. Я смотрю на его лицо, на то, как он слушает, - в документальном фильме о «Многоточии», в рабочих материалах. Мне нравятся эти люди, и меня удивляет: кто же их собирает для меня?

- А «Многоточие» вам понравилось? — Очень! То ли моя жизнь сюда пристегнута, то ли... Я ведь не проживал жизнь своей матери, но знаю, что она была по-женски очень полноценным человеком. Чувственная женщина, не пуританка. Отец был в тюрьме. Это почти моя история. Я знаю то время, знаю мужчин, которые бывали в доме. Все было очень достойно. Я знаю, как она вела себя по отношению к мужу, который был в заключении, все эти посылки... Я просто плакал на фильме.

И мне очень понравилась музыка. Эшпай как-то сказал: «Либо дически настигающая его всенародная любовь (как после «Окна в Париж» или «Золотых масок») — и конфликты с театрами, где он непримиримо принципиален (при том, что работать приходилось с Акимовым, Фоменко, Ди-

Шестьдесят пять лет такой жизни не внесли серьезных изменений в личный стиль Сергея Дрейдена. Перемещение в пространстве? В основном на велосипеде (покупка велосипеда на блошином рынке - первое, что Дрейден сделал, приехав в Париж сниматься у Мамина). Большая человеческая дружба? Со спаниелем Тиберией (разъезжает на велосипеде в специальном багажнике). И артистическая легкость, превращающая самую невинную, бытовую его затею в перформанс.

Но есть темы, в которых Дрейден серьезен до академичности. Одна из них - профессия.

кино становится музыкой, либо Справка «Новой» нет». Очень здорово снято — в куль-

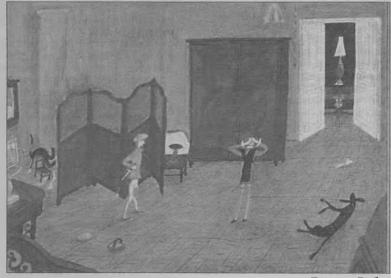
Сергей ДРЕЙДЕН, актер Театра на Литейном (Санкт-Петербург). Лауреат премий «Золотой софит» и «Золотая маска» (спектакли «Мрамор», «Потерянные в звездах»). В его фильмографии

- «Фонтан» и «Окно в Париж» Юрия Мамина (актерский псевдоним — Сергей Донцов), «Пала» Владимира Машкова и «Русский ковчег» Александра Сокурова

Лабораторная работа с ангелом

С помощью живописи актер Сергей ДРЕЙДЕН ушел от вынужденной публичности

У меня был опыт: когда Фоменко

делал «Случай в пассаже», он предло-

жил мне сочинить роль, которой не

было в инсценировке. Я брал дневники

Достоевского (не «Дневник писателя»,

а просто дневники!) и находил какие-то

реплики для моего персонажа. Безумно

га рисунков» — биография в картинках

с сопроводительными текстами... Там

пути к театру». Скажем, когда-то мы

по Шолом-Алейхему играли — Алла

Николаевна Соколова, наш сын Коля

и я, у нас был спектакль, который на-

зывался «Бес счастья». Жили в Ломе

актера под Ленинградом. И у меня

есть картинка: «Станция Удельная и

танцующие персонажи спектакля» -

· Готовится к изданию ваша «кни-

- Есть — «театр», а есть — «на

люблю такую лабораторную работу.

есть подборка о театре?

«Принц и Люба»

в реальное станционное здание я поселил наших будущих персонажей...

Вы как график причисляете себя

к какому-то течению? - Когда была первая выставка, я назвал свои картинки «арт-наив». Начиная делать в 84-м году «воспоминательные картинки», я удивлялся, почему рисую их именно так, хотя могу и по-другому. Но мне показалось, что это соответствует способности ребенка. А в последних картинках темы давние, но сделаны взрослой рукой. Это история Камерного театра, в котором какое-то время жила наша семья.

- Где они выставлялись?

- В Америке, потом в Генте, в Бельгии. А последний раз — в Петербурге, в Манеже, на выставке «Петербург-2005». В этот раз они сочинили раздел «рисуют не художники» - музыканты, артисты, писатели... И вместо трех моих работ взяли 12, сделали отдельный кабинет. Таким образом я книжку «прокатал». Это занятие (живопись) хорошо тем, что помогло уйти из вынужденной публичности.

— То есть?

 Даже когда я работал в БДТ, все равно находился в состоянии «возьмите меня», «посмотрите меня» - мне важно было от этого уйти.

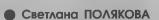
В Петербурге сегодня вы заняты только в одном спектакле — «Потерянные в звездах» Театра на Литейном. Несмотря на солидный возраст (лет шесть), спектакль кажется очень живым. Вы чувствуете его развитие?

- Конечно! Год назад над спектаклем нависла угроза — из спектакля ушел один ангел, и нам сказали, что завтра будет играть другой человек. Я воспротивился, написал заявление, что слишком дорожу этой работой и считаю, что если в отсутствие режиссера происходит ввод, то он по крайней мере не должен быть скоропалительным! Во всяком случае, я отказываюсь участвовать. И Гетман пошел навстречу: спектакль отменили и месяц «восстанавливали».

И все это ради ангела?

Ради ангела! Этот новый парень был очень зажатым... А вообще ангелы очаровательны. Изумительны! Хотя, по суги дела, вроде массовки. Но они этого не чувствуют, они к этому относятся очень полноценно. Мы ведь каждый раз репетируем танцы, музыка, пение, все репетируем! Так вот, в спектакле есть чудный момент, когда меня раздевают (у Бога, я уже умер); и в этой сцене высвечивается «зерно» ангела, и это зерно - в пластике. Зажатость нового парня до сих пор в этой сцене сказывается, он все время в напряжении — я это чувствую. Говорю: «Смотри, тебе предлагается на законных основаниях быть абсолютно спокойным - вечно! Ты только и занят тем, что вечно, бесконечно будешь раздевать людей, складывать их: ты — ангел! Тренируй свой покой публично! Не волнуйся!».

Вот этот язык — это и есть поэтический театр. Чужие в искусстве - как раз те, кто готовит людей, не воспринимающих этого.

«Сиверская, Кезево и автопортрет»